

негоднымъ (очень многія между картинами, онъ прямо признавалъ „позоромъ“ нашего искусства). Онъ старался также защитить отъ общихъ насмѣшекъ академическое преподаваніе „по букварямъ, давнымъ-давно съѣденнымъ мышами“; онъ горой стоялъ за миеологическія и классическія программы, увѣряя, что внѣ ихъ нѣтъ спасенія учащемуся художнику; онъ съ гнѣвомъ отмѣчалъ въ каждой новой картинѣ новыхъ художниковъ — „пересоль реализма“, неумѣнье рисовать, неумѣнье писать, неумѣнье сочинять. Онъ съ унижительнымъ рабскимъ почтеніемъ указывалъ на Европу и ея художественныя мнѣнія „на общечеловѣческомъ рынкѣ, вдали отъ нашихъ кислыхъ щей“, и съ великимъ остроуміемъ и ѣдкою восклицалъ: „Если мы возьмемъ такіе оригиналы, какъ русскія Маланья и Ѳеклы, кисти гг. Ярошенко, Рѣпиныхъ, Васнецовыхъ и К^о, и поставимъ ихъ рядомъ съ луврской мадонной Мурильо, сикстинской Рафаэля, или картиною „Взятіе Божіей Матери на небо“ Тиціана, и будемъ сравнивать съ такими оригиналами, то, конечно, они окажутся совершенно нереальными и непохожими на такіе оригиналы, какъ Ѳекла и Маланья. Но потому-то такія произведенія и прекрасны, потому-то они такъ неотразимо дѣйствуютъ на душу человѣка, что непохожи на Ѳеклу и Акулину, прикованныхъ къ землѣ всею своею грѣховною плотскою тяжестью, а уносятся передъ глазами зрителя, какъ эфиръ, какъ горячая молитва въ небесную высь“ (Свѣтъ, 1884, № 72). О сюжетахъ искусства художникъ А. Ледаковъ изъяснялся такъ: „Современный жанристъ долженъ брать современные сюжеты и не вдаваться въ анахронизмъ. Сюжетъ Рѣпина „Сдача рекрута“, конечно, не современенъ. Какое можетъ составлять горе для крестьянской семьи сдача въ рекруты при общей воинской повинности, при отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, при краткосрочной службѣ, гдѣ рекрутъ изъ безграмотнаго дѣлается грамотнымъ и практическимъ вообще въ жизни? Такъ и своихъ „Бурлаковъ“ Рѣпинъ написалъ тогда, когда пароходы уже сновали по Волгѣ и бурлачество осталось только въ преданіи“ (Спб. Вѣдомости, 1880, № 59). Глубину же своего пониманія и тонкость своего вкуса художникъ А. Ледаковъ всего лучше, всего нагляднѣе доказывалъ тѣмъ, что въ многочисленныхъ своихъ статьяхъ, разсѣянныхъ въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ и „Свѣтѣ“, онъ предпочиталъ Дмитріева-Оренбургскаго и Полѣнова—Верещагину, ставилъ блестящіе, но поверхностные и рѣдко правдивые портреты К. Маковского, этого „могучаго художника“, „неизмѣримо выше“ изумительныхъ портретовъ Крамского и другихъ лучшихъ нашихъ художниковъ; посредственныя картинки (такія, какъ наприм. „Отъѣздъ“ г-жи Михайловой) цѣнили безъ всякаго сравненія выше совершеннѣйшихъ